

26

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1974

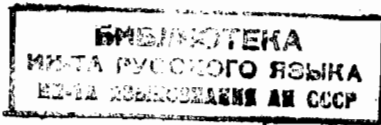

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

п. 11018

СОДЕРЖАНИЕ

1

1974

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Е. Н. Андрушин.</i> Болгарский опыт использования преимуществ социалистической экономической интеграции	3
<i>В. Парсаданова.</i> Из истории создания единой партии польского рабочего класса (Соглашение о единстве действий ППР и ППС, ноябрь 1946 г.) . . .	14
<i>В. Р. Сошенко.</i> К истории деятельности радиостанций «Христо Ботев» и «Народен глас»	27
<i>А. З. Нюркаева.</i> Идеологическая борьба в сербской социал-демократической партии в начале XX века	40
<i>В. Д. Королюк.</i> Контактная зона в Юго-Восточной и Центральной Европе эпохи раннего средневековья и проблемы ее этнической истории	53
<i>Л. А. Софронова.</i> Некоторые проблемы поэтики польского барокко	68
<i>Я. В. Закревская.</i> О взаимозависимости и взаимообусловленности словообразовательного и семантического микрополей в украинских говорах карпатского ареала	80
<i>А. Л. Мирецкий.</i> О передаче польского <i>é</i> в русской практической транскрипции	86

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>В. Г. Пуцко.</i> Готический потир из Костромы	90
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>П. С. Созань.</i> Мито Исусов. Работническа класа в България. 1944—1947	96
--	----

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Г. ПУЦКО

ГОТИЧЕСКИЙ ПОТИР ИЗ КОСТРОМЫ

Как известно, изделия из драгоценных металлов, выполненные в готическом стиле, встречаются в древнерусских городах крайне редко¹. Русские мастера-серебряники остались равнодушными к готическим образцам и гораздо охотнее обращались к романским традициям². Возникновение «Грановитой палаты» в Новгородском кремле — единственного памятника чисто готического стиля на русской почве — объясняется антимосковскими устремлениями архиепископа Евфимия, являвшегося ее заказчиком³. Но существует еще небольшая группа потиров, выполненных в готическом стиле, происхождение которых нельзя связать ни с работой русских мастеров, ни со странами Западной Европы.

Один такой потир находится в ризнице Ипатьевского монастыря в Костроме⁴. Изделие изготовлено из серебра и частично позолочено⁵. Чаша потира в нижней своей части имеет вид срезанной сферы, а выше — образует несколько выгнутый раструб (см. рис.). Нижняя часть потира закрыта серебряным кожухом с чеканным растительным узором и с венчиком из литых готических крестоцветов по верхнему краю, отделанному жгутом, покрытым косой насечкой. По венцу чаши нанесена довольно крупная литургическая надпись: *пните ѿ н, се естъ кров моя новаго завета, ежь за вы н за.*

¹ См. В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, № 87—88, 90; Н. Покровский. Древняя ризница новгородского Софийского собора. Тр. XV археол. съезда в Новгороде, т. I. М., 1914, стр. 84, табл. X (3); е г о ж е. Заметки о памятниках псковской церковной старины. «Светильник», 1914, № 5—6, стр. 27—28, табл. XIII (3—4); см. также Ф. Серно-Соловьевич. Слуцкая старина, IV. Слуцкий Свято-Троицкий монастырь. «Русский паломник», 1891, № 28, стр. 439, рис. на стр. 433.

² В этом отношении характерным примером может служить панагиар мастера Ивана, выполненный в Новгороде в 1435 г. по заказу владыки Евфимия, единственным готическим элементом которого являются крестоцветы на поддоне. Н. Покровский. Там же, стр. 70—82, табл. VIII—IX; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 209—210; Ю. Дмитриев. Мастер-серебряник XV века. «Новгородский исторический сборник», вып. 7, 1940, стр. 32—38; «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 303—304 (текст А. В. Арциховского); М. Алпатов. К вопросу о западном влиянии на древнерусское искусство. «Этюды по истории русского искусства», т. I. М., 1967, стр. 147—148; Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, стр. 50—51, рис. 43—45.

³ В. Н. Лазарев. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.) (XIII Международный конгресс исторических наук), М., 1970, стр. 36.

⁴ Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, инв. № КОК 849. Высота потира 24,1 см, диаметр чаши 11,8 см, диаметр поддона 16,2 см. Сохранность хорошая.

⁵ Позолотой покрыты: чаша с внутренней стороны, литургическая надпись и медальон, щитки «яблока» и подкладки под прорезным орнаментом «ложек».

Потир. Костромской историко-архитектурный музей-заповедник

По-видимому, мастер не рассчитал правильно место, и формула оказалась написанной неполностью. Надпись разделяет круглый медальон с резным изображением четырехконечного креста на подножии, с обычными буквенными обозначениями. На противоположной части тонкой контурной линией исполнены в медальонах поясные фигуры Христа, богородицы и Преподобного (Деисус). Сопровождающие изображения надписи и монограммы выполнены скорописью. Стоян потира состоит из четырех частей: верхней в виде шестигранника с напоминающими окна проемами и с выступающими колонками, «яблока» в виде сплюснутого шара, расчлененного сверху и внизу на чеканные щитки и окруженного по экваториальному делению шестью выпуклыми ромбами, части похожей на верхнюю, но более длинной и широкой, затем — горизонтально положенной пластинки, напоминающей базу колонны, и части, при посредстве которой стоян, расширяясь, переходит в поддон. Тулово и отгиб поддона расчленены на шесть дуг, соответствующие обрезам закругленных расширенных концов, которыми оканчиваются грани стояна.

Приведенная выше литургическая надпись на венце чаши выполнена широкой четкой вязью; фон покрыт штриховкой. Из наиболее существенных эпиграфических особенностей следует отметить а в виде вертикальной мачты с маленькой, вычурного рисунка петлей; буквы е и с имеют заостренные концы — характерный признак XVI в. Буква м очень широкая и напоминает соединение двух л. Сокращения отсутствуют. Выносные буквы встречаются редко (например, в слове *крѣк* помещена над строкой *к*), но зато имеют место лигатуры. В слове *закѣтъ* вместо *ѣ* поставлено *е*. Смешение этих звуков в произношении не может считаться признаком, характерным лишь для определенной территории. Оно встречается как в белорусском языке⁶, так и в сербских и боснийских памятниках⁷.

Шестигранные части стояна имеют по два вписанных в полуциркульные арки окна. Ромбы, на которые расчленено «яблоко», украшены резным растительным орнаментом в виде веточек и розеток из лепестков. Обрезы выпуклых ромбов имеют прочеканные полоски. Щитки позолочены. Шестиугольная пластинка (напоминающая базу колонны) двухчастная, причем обрез ее верхней части вогнутый. Орнамент прорезных пластин, наложенных на позолоченные грани нижней части стояна в виде веток с широкими листьями, местами покрытыми штриховкой. Прорезные пластины к основе прикреплены гвоздиками с округлыми шапками, каждая в двух местах. По ребрам граней нижней части стояна наложен покрытый поперечной насечкой жгут. Обрезы закругленных концов граней украшены ромбовидным мотивом орнамента, выполненным в технике оброна.

Достаточно уже беглого ознакомления с потиром, чтобы убедиться в том, что он не может принадлежать к числу литургических сосудов русского происхождения. Правда, мы можем провести ряд примеров, когда на Руси для богослужебных целей приспособляли изделия западноевропейского происхождения. Так, потир немецкой работы первой половины XIV в. был снабжен изображением голгофского креста на чаше и вложен Иваном Грозным в Троице-Сергиев монастырь⁸. Два потира с изображениями, гравированными уже в России, хранились в ризнице Псково-Печерского монастыря⁹. Известны также случаи, когда от готического церковного сосуда исполь-

⁶ А. И. Соболевский. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. РФВ, XV, 1866, стр. 21; Е. Ф. Карский. Белорусы. Язык белорусского народа, вып. I. М., 1955, стр. 202—203; см. также В. В. Виноградов. Исследования в области фонетик севернорусского наречия, вып. I, ИОРЯС, XXIV(1), 1922.

⁷ А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, изд. 2. СПб., 1908, стр. 79, 81.

⁸ В. П. Даркевич. Там же, № 87, табл. 27 (1).

⁹ Н. Покровский. Заметки о памятниках псковской церковной старины, стр. 27, табл. XIII (3, 4); ср. потир из кафедрального костела в Вильнюсе. В. Фронцевич. В ризницах римско-католических костелов городов Вильны и Трок. Тр. IX археол. съезда в Вильне, т. II. М., 1897, стр. 220, табл. XXI (1).

зовалась только нижняя часть (стоян с поддоном), в то время как чаша заменялась новой, более удобной по форме¹⁰. Именно так поступили новгородцы с поддоном снеского потира первой половины XIV в.¹¹.

Готическая церковная утварь в странах Западной Европы получила весьма широкое распространение¹². Много вещей в стиле готики изготовлялось для церковного обихода и в тех славянских странах, где был распространен католицизм¹³. Отдельные образцы готической утвари проникали в православные храмы Украины и Белоруссии, где иногда вызывали подражания у местных мастеров¹⁴. Тем не менее потир из Ипатьевского монастыря в Костроме нельзя отнести к изделиям западноевропейских мастеров. Общее решение и трактовка отдельных деталей позволяют его скорее сблизить с готическими потирами из ризницы Троице-Сергиевой лавры, один из которых имеет вкладную надпись с именем боярина Дмитрия Ивановича Годунова — дяди царя Бориса¹⁵. Это в значительной степени делает понятной близость указанных изделий. Хотя потир Ипатьевского монастыря не имеет вкладной надписи, не подлежит сомнению, что он поступил от того же лица. В переписных книгах Ипатьевского монастыря 1595 года читаем: «Да Дмитрея Ивановича данья сосуды церковные серебряные, да 2 потыря, да лжица, да 2 блюда, да блюдо дискосное, да 2 звезды, да копые, да 3 блюда дарных, все серебряны»¹⁶. Обращаясь к более поздним инвентарям монастырской ризницы, можно установить, что к XIX в. там хранилось всего три потира, из которых один имеет вкладную надпись с именем Д. И. Годунова, датированную 1599 г., другой — вложенный И. И. Годуновым в 1603 г. и третий — «ажурной работы» без надписей¹⁷.

Бояре Годуновы на протяжении нескольких десятилетий делали в Ипатьевский монастырь, который, по легенде, основан их родоначальником, татарским мурзой

¹⁰ Западноевропейские готические потиры, как правило, имеют чашу, расширяющуюся кверху, что отчасти обусловлено удобством при извлечении оттуда рукой облаток для причащения. В православной церкви, где чаша наполняется вином, смешанным с водой, со временем вырабатывается тип полусферического сосуда, с несколько отогнутыми краями.

¹¹ В. П. Д а р к е в и ч. Там же, № 90, табл. 27 (3). Ср. М. М. П о с т н и к о в а - Л о с е в а. Новгородская серебряная чаша. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 177—184. Автор считает, что нижняя часть потира немецкого происхождения.

¹² «Victoria and Albert Museum. Department of Metalwork. Catalogue of Chalcides». London, 1922, Pl. 3 (c—d), № 6, 8, 10, 12—15; E. S t e i n g r ä b e r. Studien zur venezianischen Goldschmiedekunst des 15. Jahrhunderts. «Mitteilungen des Kunsthistorischen Instituts in Florenz», Bd. 10, 1962, S. 152, 174, Abb. 5, 32, 33; «Spätgotik am Oberrhein. 1450—1530». Karlsruhe, 1970, Abb. 160—181; «Les trésors des églises de France». Paris, 1965, pl. 172—178, 182, 188, 189, 194—201; C h. O m a n. The Golden Age of Hispanic Silver. 1400—1665. London, 1968, fig. 21—72; 82, 83, 105; «Madarsko zlotarstvo od X do XIX veka». Beograd—Zagreb, octobar—november, 1968, № 43, 48, 49; «Istoria Altelor Plastice in Romania», v. I. București, 1968, fig. 448, 449. Э. А. Л а п к о в с к а я. Прикладное искусство средних веков в Государственном Эрмитаже. М., 1971, рис. 71—83.

¹³ «České umění gotické 1350—1420». Praha, 1970, vybor. 142, 146—157; «Wzory sztuki w dawniej Polsce», ser. 3. Warszawa, s. d., tabl. 5 (s); «Muzeum Narodowe w Warszawie. Sztuka zdobnicza. Dary i nabitki 1945—1964». Warszawa, 1964, № 246.

¹⁴ С м. В. Т р и н о л ь с к и й. Полтавское епархиальное древнехранилище. Полтава, 1909, № 456 (поддон потира западного происхождения, с нанесенной позже вкладной надписью «Марія Игнатъева Святой Николай, року Рож. Хр. 1560»); М. З. П е т р е н к о. Українське золотарство XVI—XVII ст. Київ, 1970, стор. 51, рис. на стор. 49.

¹⁵ Ю. А. О л с у ф ь е в. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII века). Сергиев, 1926, стр. 19—23.

¹⁶ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. М., 1890, стр. 20.

¹⁷ И. Б а ж е н о в. Костромской Ипатьевский монастырь. Историко-археологический очерк. Кострома, 1909, стр. 26; Н. В. П о к р о в с к и й. Памятники церковной старины в Костроме. «Вестник археологии и истории», вып. XIX, 1909, стр. 12, табл. 1.

Четом, принявшим христианство¹⁸, богатые вклады. Д. И. Годунов¹⁹ вел на свои средства строительство в монастыре, дал монастырю несколько сел с деревнями, снабдил монастырскую ризницу дорогими облачениями, иконами в золотых и серебряных окладах²⁰, богатой утварью, а монастырскую библиотеку — рукописями. Из всей семьи Годуновых, именовавшихся «начальниками обители»²¹, Дмитрий Иванович был наиболее щедрым вкладчиком. Кроме того, он известен как большой знаток и любитель произведений искусства. В числе принадлежавших ему вещей можно встретить византийскую иконку на стеатите XIV в.²² и потир с хрустальной чашей в сербской оправе XIV в.²³, английский кубок работы Симеона Брука (1585—1586 гг.)²⁴. Над выполнением его заказов работали лучшие московские мастера.

Как уже указывалось выше, рассматриваемый потир из Ипатьевского монастыря имеет две ближайшие аналогии — потиры из ризницы Троице-Сергиевой лавры (в Загорском музее), один из которых с вкладной надписью, упоминающей имя Д. И. Годунова. Ни по типу, ни по трактовке отдельных деталей они не имеют ничего общего с русскими изделиями. Поэтому остается предположить, что эти три потира или привезены в Россию или выполнены у нас заезжими мастерами, которые, как известно, при Борисе Годунове работали в Москве²⁵. Потир с вкладной надписью имеет лишь ту особенность, что чаша его из горного хрусталя оправлена в серебро; остальные детали вполне идентичны сближаемому с ним двум другим потирам. В частности, совершенно совпадают форма шестигранников с проемами и колонками, «яблоками», поддоны, тип прорезного орнамента. Тождествен и орнаментальный мотив, покрывающий ромбовидные фигуры «яблока». Вкладная надпись потира с хрустальной чашей сообщает: «Сій потырь дал боярин Дмитрей Ивановичь Годуновъ в Сергиевъ манастырь».

Все три интересующих нас потира типологически могут быть сближены с готическими потирами, выполненными сербскими мастерами XVI в. В стиле готики выполнены потир 1576 г. Троицы Плевальской в Герцеговине²⁶, потир 1578 г. из Де-чан²⁷, потир из Крушедола²⁸. Последнее изделие имеет сходной формы чашу и поддон и совершенно идентичный кожух чаши, декорированный растительным узором, напоминающим узор на потире из Ипатьевского монастыря в Костроме. Аналогичным является и венчик кожуха из крестоцветов. Примеры сплющенного яблока с выпук-

¹⁸ А. К о з л о в с к и й. Описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1832, стр. 35; М. Д и е в. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858, стр. 5—7; П. О с т р о в с к и й. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870, стр. 3—4; И. Б а ж е н о в. Там же, стр. 6—7; С. Я ц к о в с к а я, Костромской Ипатьевский монастырь. М., 1896, стр. 9—10; В. Г. Б р ю с о в а. Ипатьевский монастырь. Ярославль, 1968, стр. 11—13; В. И в а н о в. Кострома. М., 1970, стр. 44—45.

¹⁹ О нем см. А. Б. Л о б а н о в - Р о с т о в с к и й. Русская родословная книга. СПб., 1895, стр. 146.

²⁰ М. М. П о с т н и к о в а - Л о с е в а. К вопросу об отражении византийской художественной культуры в золотом и серебряном деле древней Руси. (Серебряный оклад Димитрия Солунского 1586 г.) ВВ, т. 30, 1969, стр. 233—244; е е ж е. Silver Mount of an Icon of St. Demetrius dated 1586 in the Collection of the State Historical Museum, Moscow. «Burlington Magazine», 1968, p. 29—37; е е ж е. «Образ Дмитриев удет золотой». Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, стр. 473—477.

²¹ М. Д и е в. Там же, стр. 75.

²² Гос. Исторический музей в Москве, инв. № 75021.

²³ Ю. А. О л с у ф ь е в. Там же, стр. 1—4, табл. 1; «Троице-Сергиева лавра. Художественные памятники». М., 1968, стр. 144, рис. 175; Т. В. Н и к о л а е в а. Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, № 95.

²⁴ Т. Г. Г о л ь д б е р г. Из посольских даров XVI—XVII веков. Английское серебро. Гос. Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954, стр. 440, 458—459.

²⁵ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. X, прим. 451.

²⁶ Б. Р а д о ј к о в и ћ. Српско златарство XVI и XVII века. Нови Сад, 1966, стр. 122, сл. 136.

²⁷ Там же, рис. 60.

²⁸ Там же, стр. 100, 123, рис. 139.

лыми ромбами также известны в сербских потирах (например, потир из Прасквице)²⁹. Характер растительного орнамента прорезных пластин нижней части стояна потиров в Загорске и Костроме можно определить как восточный. Эта деталь не встречается ни в русской горевтике, ни в западноевропейской, в то время как для сербских изделий является довольно обычной³⁰, как и сочетание восточных и западных мотивов вообще.

Поскольку русские ювелиры не проявляли заметного интереса к готике, едва ли можно предполагать изготовление ими литургических сосудов в указанном стиле. Завезенные на Русь западные вещи, как правило, снабжены латинскими надписями. Литургическая же надпись на венце потира из Костромы славянская, выполненная нетипичной для русских изделий вязью. Еще более обращающей на себя внимание является резьба изображений Деисуса в медальонах. Тонкая резьба охотно использовалась сербскими серебряниками, имевшими в качестве образцов иллюстрации печатных книг³¹. Гравированные изображения иногда сплошь покрывают оклады богослужебных книг, таких как евангелие из Сараева (вторая половина XVI в.)³², евангелие из монастыря Савине (конец XVI в.)³³, евангелие из монастыря Прасквице (1600 г.)³⁴. В изделиях русских серебряников конца XVI в. если и встречается рисунок тонкой контурной линией, то его характер совершенно иной³⁵.

Таким образом, все существенные особенности, свойственные готическим потирам из ризницы Троице-Сергиевой лавры и Ипатьевского монастыря в Костроме, находят себе соответствие в сербских серебряных изделиях. Не подлежит сомнению, что эти произведения выполнены в самом конце XVI в. Указанная датировка находит косвенное подтверждение в известии о вкладе Д. И. Годуновым потира с хрустальной чашей в Троице-Сергиев монастырь в 1598 г. Поскольку потиры в Загорске и Костроме обнаруживают настолько близкое сходство, что не исключена возможность выполнения их одним мастером, трудно предположить, что они привезены из Сербии или Герцеговины. Гораздо более реальным представляется изготовление их по заказу Д. И. Годунова сербским мастером в Москве.

При всей отрывочности сведений о деятельности сербов на Руси, мы все же можем указать на выполнение ими в конце XIV в. в Москве таких монументальных икон, как «Предста царица» и «Похвала Богородицы с акафистом». В 1404 г. Лазарь Сербин поставил часы в Московском Кремле³⁶. В 1476 г. в Москве работал золотых дел мастер Трифон из города Котора³⁷. Таким образом, мастер упомянутых готических потиров имел своих предшественников, которые работали на Руси.

²⁹ Там же, рис. 138.

³⁰ Там же, рис. 57, 91, 92.

³¹ Б. Р а д о ј к о в и ћ. Илустрације српских штампаних књига XVI века као приручници старих српских златара. «Зборник музеја примењене уметности», II. 1967, стр. 59, сл. 72; см. также Д. М е д а к о в и ћ. Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958, табл. XLI—XLIII, XLVI (2), XLVIII (1), L, LII.

³² Б. Р а д о ј к о в и ћ. Илустрације српских штампаних књига, стр. 64, сл. 6—8.

³³ Е е ж е. Српски окови јеванђеља XVI и XVII века. «Зборник музеја примењене уметности», 3—4, 1958, сл. 11, 12.

³⁴ Е е ж е. Илустрације српских штампаних књига..., стр. 69, 71—72, сл. 14, 15.

³⁵ Ю. А. О л с у ф ь е в. Там же, стр. 259—261, табл. XIII.

³⁶ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 77.

³⁷ Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей венецианской республики, к знаменитому персидскому государю Уми-Гассану, совершенное в 1473 г., т. I, ч. II. СПб., 1836, стр. 107—108.